

«КОГДА ОТ ВСЕХ ТЕХ ЛЕТ ОСТАЛИСЬ ПЕРЕСУДЫ»...

Держу в руках «Воспоминания о Борисе Пастернаке» (Москва, 1993. Слово/SLOVO, 5 000 экз., 748 стр.) и радуюсь — наконец-то! Книга толстая, прекрасно оформленная, масса фотографий, использованы работы художника Пастернака, отца поэта. Авторы — много...

Откуда этот неутолимый интерес к жизни Пастернака? Ко всякой жизни — общественной и личной, жизни внутренней и бытовой? Он — не певец-душка, я — не поклонница-сыриха. Все, что Борис Леонидович хотел сказать (всем, в том числе и мне), сказано в стихах и романе. Более того, есть автобиографическая проза, все вехи пути известны. Могла бы заподозрить себя в пустом и мелком любопытстве, но... С какой странной, почти гипнотической настойчивостью всматривались в жизнь своего любимого поэта Пушкина Цветаева и Ахматова.

Тайна гения, тайна таланта, тайна Божьего дара — вот, наверное, то необъяснимое, что влечет, несмотря на все уговоры разума. Чудо — оно и есть чудо.

А чудо Пастернака интригует вдвойне, ибо всегда на самой грани духа и бытия. Не знаю другого поэта, который мог бы так превращать в истинную поэзию жизнь обыденную, знакомую до мелочей.

Лист смородины груб
и матерчат.
В доме хохот и стекла звенят,
В нем шинкуют, и квасят,
и перчат,
И гвоздику кладут
в маринад.

Лирическое «я» (вспомним среднюю школу) растворяется в затертом, забытом мире, чтобы вернуть его нам в первоначальной новизне и яркой, импрессионистской радости. И сразу волей-неволей: что за человек? Тот, что умеет так видеть и так отражать увиденное? Как ему удавалось жить, «отмывая» от пыльной повседневности «крыши городов», «каждой хижины крыльцо», «каждый тополь у дороги» и человеческие отношения, вечные, как мир, — дружбу, любовь. Хотелось знать. Но... Не везло.

Первые воспоминания о Пастернаке, попавшие мне в руки, принадлежали Ольге Ивинской. Увы, они не приблизили к поэту.

Ты так же сбрасываешь
платье,
Как рожа сбрасывает
листья,
Когда ты падаешь
в объятия
В халате с шелковой
кистью.

Ну что мне давало знание, полученное от возлюбленной поэта, что халат действительно существовал и шелковая кисть у халата — тоже была. Расколдовать колдовскую силу слов — не великая хитрость. Поэзия снова обращалась в быт и факты. И эта вторая — обратная — метаморфоза вовсе не подводила к секрету возвышения быта до гениальной поэзии.

И воспоминания другой женщины — Зинаиды Пастернак, с их демонстративной отстраненностью от внутренней жизни мужа, не были под стать Борису Леонидовичу.

Я не ждала философских глубин. Делала скидку на литературную слабость мемуаров (вовсе не обязательно, чтобы женщина, прекрасная, «без извин» еще и владела бы словом. Но хотя бы чувство меры... Нет, не высветляли образ поэта его спутницы, увы. И лично я порадовалась, что в сборнике, только что вышедшем, нет воспоминаний Ивинской, а воспоминания жены даны предельно тактично и, кажется, с купюрами.

Все это говорит о хорошей тенденциозности составителей. Е.Пастернак и М.Фейнберг сделали серьезную и спокойную работу без оглядки на скандально-рыночные посылы нашего времени. При этом им удалось не впасть и в другую крайность — в элитарность. Книга интересна всем, кому дорого наследие Бориса Пастернака.

Для меня новыми были воспоминания, рассказывающие о периоде мировоззренческого становления поэта (авторы К.Локс, С.Бобров, Я.Черняк и др.). Удивляет, как широк был в юности диапазон исканий, как напряжен путь поэта в «неслыханную» (и очень непросто!) простоту хрестоматийных строк. Уже тогда, в ранние годы, приходилось ворочать глыбы культуры. Еще раз убеждаешься: поэтические высоты не берутся с кондачка.

Впервые прочитала и тех авторов, которые оценивали поэта не по нашим «домашним» меркам, а из зарубежного далека (Исайя Берлин, Ольга Карлайл, Рената Швейцер).

Ну, а те воспоминания, какие появлялись в печати (а до того — в самиздате), собранные вме-

сте, дают эффект объема, масштаба. Л.Чуковская, А.Вознесенский, А.Гладков...

Думается, книга выполнила куда более сложную задачу, чем те, что декларируются составителями. Кстати, первая из провозглашенных во вступлении просто снята временем. Составители пишут, что новые знания о Пастернаке опровергают «до сих пор еще широко распространенное мнение о внутренней оторванности Пастернака от бед и бурь своего времени», о том, что он якобы жил «вне настоящих взаимоотношений с людьми». Мне кажется, сегодня подобное суждение, если и существует, то лишь как отголосок благоглупостей, инкриминируемых когда-то поэту бонзами от партии и Союза писателей. Нынче абсолютно понятна, естественна погруженность поэта в себя. А его неучастие в «нашей буче» делает Пастернаку честь.

Неумение вписаться в театральные ритуалы страшного времени работает на образ поэта со знаком плюс. А.Гладков описывает, как Пастернак все пытался взять у хрупкой девушки, пришедшей на встречу с поэтом, какое-то тяжелое кайло, не понимая, что это деталь чисто декоративная, символизирующая союз рабочего класса с интеллигенцией. Смешно... Да, он часто бывал смешон, как смешон нормальный человек среди договарившихся меж собой хитрецов («Я один, все тонет в фарисействе»). Но тем он и хорош.

А его подлинная подключенность к человечеству и к своему времени легко просматривается на обычном, человеческом уровне. Она — в нравственной чис-

топлотности, не позволяющей подписывать подметные письма, даже когда это опасно для жизни. Что ему Тухачевский? А не осудил в злобной коллективке. Что ему французский писатель Андре Жид? А отказался под предлогом: не читал.

Или стремление помочь ближнему деньгами. То и дело встречаешь в воспоминаниях: дал в трудный момент 500 рублей, дал 200... Он давал деньги вдовам грузинских писателей, погибшим от репрессий, семье «взятого» Анастасьева, Ариадне Эфрон... Помогал живым рублем, при средних — отнюдь не генеральских и потом дающихся (150 строк перевода в день) — доходах. Это труднее, чем клестись в любви к человечеству. Не верите — попробуйте сами.

Со страниц книги нам возвращен Пастернак такой, какой он был: противоречивый и юношески чистый в своих постоянных моральных мучениях, мужественный и не тронутый цинизмом своего времени, своего поколения.

Ну, а как с тайной дара? Здесь по-прежнему все сказано и все сокрыто, как и положено в настоящей поэзии. И все же мы сделали один шаг к тому, чтобы понять, как делались великие стихи великого поэта.

И.КОШЕЛЕВА.

28.194
28 янв. (ч) - с. 17.
Пастернак Борис